ТАЙНЫ МОРСКИХ АВАРИЙ И КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ
Владимир Шигин
КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА
ГОРИЗОНТ
Москва 2015

Владимир Виленович Шигин

Кораблекрушения Балтийского флота

Серия «Тайна морских аварий и кораблекрушений»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11959642
Владимир Виленович Шигин. Кораблекрушения Балтийского флота: Горизонт; Москва; 2015
ISBN 978-5-9907045-2-7

Аннотация

Несмотря на то, что Балтийское море, кажется нам изученным и обследованным, это не спасло моряков русского парусного флота от многих катастроф в его водах. Драма линейного корабля «Вячеслав» и трагедия фрегата «Поллюкс», жуткая тайна русского "Корабля мертвых" обнаруженного у берега Кронштадта, пожар линейного корабля "Фершампенуаз", и взрыв клипера "Пластун", ужас гибели моряков линейного корабля "Лефорт", их жен и детей. Об этих и других малоизвестных катастрофах Балтийского флота полутора вековой давности вы сможете узнать, прочитав книгу известного современного писателя-мариниста капитана 1 ранга Владимира Шигина "Кораблекрушения Балтийского флота. Неизвестные катастрофы 18–19 веков" в серии «Тайна морских аварий и кораблекрушений»

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Владимир Виленович Шигин
Кораблекрушения Балтийского флота

Глава первая
Драма линейного корабля «Вячеслав»

В 1821 году в журнале «Отечественные записки» были напечатаны воспоминания адмирала и писателя, великого патриота земли Российской А. С. Шишкова, озаглавленные как «Разбитие военного корабля „Вячеслав“ у берегов Швеции в 1771 году». Помимо весьма интересного повествования о малоизвестном кораблекрушении XVIII века, перед нами, пожалуй, самое первое произведение отечественного писателя-мариниста, посвященное реальным событиям, участником которых был сам автор, в то время еще молодой мичман. В рассказе автора о выпавших на его долю злоключениях подкупает искренность и бесхитростность повествования. Шишков описывает события и участвовавших в них людей без всяких прикрас, позволяя нам окунуться в атмосферу корабельного быта русского флота Екатерининской эпохи, ощутить дыхание истории. А потому самым лучшим в данном случае будет предоставить слово самому автору.

«В начале 1771 года посланы мы были сухим путем под начальством кадетского капитана к городу Архангельску, с тем чтоб оттуда морем возвратиться на построенных там кораблях. Нас было с лишком 30 человек. Мы жили в прилежащей к городу слободе, называемой Соломбала, в обнесенных тыном казармах. По вскрытии Двины на спуске на воду трех кораблей расписали нас по кораблям. Я послан был на корабль „Вячеслав“.

Прежде, нежели приступлю к описанию путешествия нашего, надо читателю узнать свойства и нравы бывших на сем корабле офицеров.

Начальствовал над оным капитан 1-го ранга Н., был он человек довольно добрый, но властолюбивый, пылкий. Второй по нем, наш кадетский капитан, также человек весьма добрый, услужливый, усердный к службе и довольно неглупый, но перед старшими себя до крайности почтительный и робкий. Два лейтенанта, из коих М. – видный собою, искусный в деле своем и дружный с кадетским капитаном; лейтенант В. – человек простой; два мичмана, один констапель (артиллерийский офицер) и нас восемь человек гардемарин, да при солдатской команде капитан, человек дородный, толстый и грубый.

По нагружении кораблей мы отправились в поход и плыли по Белому морю с переменными и тихими ветрами. В один день, во время густого тумана, при бросании лота оказалось, что вдруг с глубины 25 сажен взошли на глубину 5 сажен. Устрашась сего обстоятельства, стали мы тотчас на якорь. Но как туман не прочищался и ветер сделался свежее, то, опасаясь стоять тут долее и обмерив на посланных шлюпках вокруг себя глубину, подняли якорь и пошли в ту сторону, где становилось глубже. Течение моря было с нами, и ветер дул нам попутный. Мы шли несколько часов и стали опять на якорь.

После полудня туман прочистился, и мы увидели, верстах в трех или четырех перед собою, крутой каменный берег. Сей грозный сосед принуждал нас удалиться от него поскорее. Но как довольно свежий ветер, дующий прямо в берег, и сильное туда же течение моря наводили нам страх, чтоб при медленности поднимания обыкновенным образом якоря не прижало нас к берегу, то рассуждали, чтоб вступить под паруса вдруг, то есть распустить и наполнить их, не поднимая якоря, и когда корабль возьмет движение, отрубить канат.

Однако капитан был на то не согласен: ему не хотелось лишиться якоря. Он спросил, нет ли на корабле кого-нибудь из архангельских рекрутов. Сыскали одного матроса. Спра-

шивают его, хаживал ли он по Белому морю (архангельские жители почти все рыболовы). Он отвечал: „Хаживал“. – „Какой же это берег?“ – „Тот, который идет от Орлова Носа“. – „А где Орлов Нос?“ – „Остался назади, мы его прошли“. (Это сказание матроса не согласно было с нашим счислением, ибо мы на карте считали себя далеко еще не дошедшими до мыса, называемого Орлов Нос). – „Можно ли нам сняться с якоря?“ – „Можно, – отвечает он, – берег приглуб, течение хотя и бросит нас к нему, но встречное от него течение понесет нас вдоль его“.

Капитан велел сниматься с якоря. Лейтенант М. представлял, что в подобных случаях не должно полагаться на слова матроса и лучше потерять один якорь, чем подвергать корабль опасности. Однако капитан велел немедленно сниматься. Опыт показал, что матрос говорил правду: лишь якорь отделился от дна моря, корабль, как стрела, полетел на каменный утес; мы до смерти перепугались; но чем ближе к берегу, тем быстрота его становилась все меньше, отражающееся от берега течение спиралось натекающим на оное и не допускало нас к нему приблизиться. Мы успели вывертеть якорь, убрать его, наполнить паруса и направить путь свой в море.

По выходе в океан и по долгом плавании, при противных ветрах зашли мы, чтоб запастись пресной водой, в пролив между лапландским берегом и островом Кильдюин (остров Кильдин. – В. Ш.). Мы нашли на нем несколько рыбачьих хижин. Летом приезжают на него рыболовы и осенью уезжают назад. Они сказывали мне, что ходят для промысла в океан и удаляются верст на сто от берега. Видя худые суда их, я спросил, как могут они на таких судах так далеко ходить: „Ну, ежели застанет буря?“ – „Так что ж, – отвечали философы с холодностью, – кого застанет, тот утонет“.

Я видел тут еще семидесятилетнего старика, сторожа оленей, который во всю свою жизнь, как себя запомнит, из Кильдюина никуда не отлучался. Летом месяца три проводит он с приезжающими рыбаками, а в остальное время года живет один. Разговаривая с ним, я спросил у него: „Как же зимою, когда пролив замерзает, не боишься ты забегающих сюда волков и медведей?“ – „Чего бояться, – отвечал он с уверенностью, – они меня уж знают и не тронут“.

Простояв дня три в Кильдюине, пошли мы опять в океан и продолжали путь свой. Сделались противные и крепкие ветры: мы долго с ними боролись и ничего не видали, кроме кувыркающихся китов, которые из воды выставляли хребты свои, наподобие черных холмов, и, фыркая, пускали из ноздрей высокие водометы. Мы забрались далеко к северу, так что солнце в самую полночь не заходило уже под горизонт.

После долгого времени ветры стали становиться попутнее, ночи длиннее и темнее. Мы перешли большое расстояние; миновали опасную пучину, называемую Мальштром. Я в свободные часы занимался рассматриванием разных явлений: иногда днем по целому часу смотрел в воду, которая была так прозрачна, что опустится в нее белый камушек – можно было видеть его несколько секунд, пока не погрузится он сажен на двадцать и более.

Иногда любовался плавающими в ней цветами, которые показывались из-под кормы наподобие пестрых распустившихся колпаков.

Прекрасный вид их, когда их поймаешь и вынешь из воды, тотчас исчезал и превращался в некую оседшуюся неприятную слизь.

Всего же более нравилось мне по ночам сидеть на носу корабля; вода имела некое лучезарное свойство, так что обмоченная в нее вещь казалась в темноте огненной. Валы, ударяя в нос и отражаясь от него, раздроблялись на бесчисленное множество брызг, светящихся подобно разноцветным искрам. Казалось, корабль, шествуя, сражается ежеминутно с нападающими на него исполинами, в гневе попирая их, сыплет от себя огонь и пламя.

В один день достали мы лотом дно морское; глубина была 70 сажен. Мы наехали в это время на необъятное количество сельдей.

Корабль наш несколько часов, почти при совершенной тишине ветра, плыл тихо, как бы посреди их, ибо от самого верха воды до такой глубины, до какой взор при чистоте и прозрачности ее проницать мог, вся она наполнена была слоями сих рыб, и вокруг корабля, сколько зрением при ясной погоде можно было обнять, повсюду гладкая поверхность воды рябела от прикосновения их к оной.

Наконец, по долгом странствии и по претерпении многих бурь пришли мы уже в половине октября (21 сентября) в Копенгаген, где пробыв несколько дней, спешили отправиться в путь. Мы снялись с якоря около полдня и с крепким попутным ветром в весьма темную ночь стали приближаться к острову Борнхольм. В 8 часов вечера, по означении на карте пункта (т. е. места, в котором мы себя считали) и по определении от него курса (то есть пути, которым кораблю плыть надлежало), капитан, дав о том приказание вахтенному (на страже стоящему) лейтенанту, лег спать.

Настал 10-й час – время, в которое, по соображению скорости хода, должны были проходить между шведским берегом и островом Борнхольм. Ветер усилился. Ход корабля был чрезвычайно быстрый – по 20 верст в час. Ночь претемная. Поставленные нарочно для смотрения на баке люди на вопрос, часто повторяемый: не видать ли земли, – ответствовали всегда: „Ничего не видать“.

В сих обстоятельствах штурман берет карту, смотрит на нее и пожимает плечами. Вахтенный лейтенант подходит к нему и спрашивает: „Что ты посматриваешь на карту и пожимаешься?“ Он отвечает: „Остров этот меня крепко беспокоит; курс наш по карте, конечно, хорош, ведет мимо него, но кто может положиться на точность исчисления? Притом же мрачность погоды не позволила ясным рассмотрением берегов хорошенько проверить оного. Итак, если положить, что подлинное место наше в 8 часов было мористее, нежели как означенный нами на карте пункт показывает, то мы, идучи сим курсом, попадем на остров, а берега его так круты и приглубы, что при такой темноте и скорости хода не успеем мы его увидеть, как уже об него ударимся и, может быть, разобьемся в щепы“.

Сомнение это устрашило лейтенанта; он говорит: „Что ж нам делать? Не разбудить ли нам капитана?“ Штурман отвечает: „Капитан не поможет, потому что, полагая погрешностью счисляемого пункта в одну сторону, путь сей опасен, а полагая ее в другую, перемена оного опасна; итак, капитан, не больше нашего о верности пункта известный, будет точно в такой же нерешимости, как и мы“.

Разговор сей умножал час от часу более страх их, у которого, говорит пословица, глаза велики. Лейтенант несколько раз спрашивал:

„Не сказать ли капитану?“ Штурман отвечал всегда, что от того не произойдет никакой пользы. „Мое бы мнение, – продолжал он, – не сказывая ему, спуститься немного к шведским берегам и через полчаса взять опять тот путь, которым идем теперь. Таким образом, если б и была предполагаемая мною погрешность в счислении, то мы, не дав никому того приметить, поправили бы оную и миновали бы остров“.

Лейтенант, по некотором колебании, согласился на его предложение. Они переменяют путь, спускаются на два или три румба к шведскому берегу, чтоб уклониться от ужасающего воображение их острова.

Не прошло десяти минут, как люди, стоявшие на носу корабля, стали кричать: „Кажется, как будто земля чернеется?“ – „Где?“ – „В правой руке, перед носом“. – „Вот, – вскричал обрадованный штурман, – это Борнхольм! Хорошо, что мы от него отворотили, а то бы попали прямо на него“. В это самое время капитан выходит из каюты, ему говорят. „Борнхольм виден“. Он смотрит и говорит: „У меня глаза худые, я ничего не вижу“.

Через две или три минуты с носу корабля вдруг несколько голосов закричали: „Кругом видна земля!“ Эти слова, всех как громом поражают. Кадетский капитан и лейтенант М. выбегают снизу наверх. Последний из них, посмотрев на компас и видя, что корабль лежит

не на том пути, как положено было держать, закричал: „Лево руля!“ Но едва он успел это произнести, как вдруг мы почувствовали такой удар, что едва могли устоять на ногах.

Корабль тотчас повернуло. Он стал боком против ветра. Паруса заполоскали. Ветер, не надувая их более, начал сильно рвать и бить их о мачту. Под кораблем было три сажени воды. Он стоял уже дном своим на дне моря. Волны, подобные горам, то поднимали его кверху, то опускали стремительно вниз. Тяжелая громада эта, имеющая около 200 тысяч пудов весу, с такой силой ударялась о землю, что казалось, опускали стремительно вниз. Тяжелая громада эта, имеющая около 200 тысяч пудов весу, с такой силой ударялась о землю, что казалось, что все члены ее мгновенно расторгнутся и рассыплются: высота и тяжесть мачт с висящими на них реями и снастями при каждом ударе наклоняла ее час от часу ниже набок, так что напоследок верхние пушки стали доставать до воды и на палубе не можно было стоять, не схватясь за что-нибудь руками.

Сначала людям велели идти на мачты, чтоб убрать и закрепить паруса; они в числе около ста человек, несмотря на трудность и угрожающую им великую опасность, полезли смело и в две или три минуты были уже там; но когда при повторении нескольких ударов капитан увидел, что мачты, сами по себе высокие и тяжелые, но еще более тяжестью людей вверху обремененные, повалят корабль набок, то велел тотчас рубить их. Время не позволяло обождать столько, чтоб дать людям сойти на низ. Мы удовольствовались только тем, что закричали им: „Мачты рубят!“ Минута погибели наступила (ибо с первым или со вторым наклоном корабля ожидали, что он повалится); надлежало ее предупредить; но как можно было в несколько секунд срубить три дерева, каждое охвата в два толщиною! В невозможности сего велели как можно скорее с наветренной стороны перерубить только по нескольку талрепов (веревочные снасти, крепящие мачты. – В. Ш.) у вант каждой мачты.

Мачты, освобожденные уже от поддерживания веревками, не переносят более стремительности наклона, и все три в один миг с ужасным треском ломаются и падают в море. Из бывших на них людей ни один не погибает: все они с удивительным проворством успели по висячим веревкам спуститься вниз.

Облегченный от мачт корабль перестало валять с боку на бок, но продолжало приподнимать валами и стучать о землю. Темнота ночи не позволила нам осмотреть, где мы и на какую мель сели. В опасении, чтоб корабль, двигаясь по дну моря, не насунулся на такой величины камень, который мог его проломить, положили мы якорь. Вскоре руль выбило, многие наружные доски или пояса, называемые обшивкою, отодрало и в корабле показалась течь, так что наполняющуюся в него воду едва всеми помпами могли отливать.

Состояние наше после срубления мачт сделалось ужасное. Сильные удары потрясали все члены корабля. Каждый час угрожал гибелью.

Люди, приготовляясь к смерти, надевали на себя белые рубашки. Между тем шум моря, скрип членов корабля, унылый свист ветра вокруг обломков мачт и пушечные, для призвания помощи, ежеминутно производимые выстрелы напоминали беспрестанно, что мы гибнем и нет спасения.

Посреди сей общей горести и плача всех бодрее, всех веселее был между нами констапель Н., человек молодой, статный собою и хороший мне приятель. Он с распущенными волосами бегал по кораблю и поминутно кричал: „Пали!“ Часто подходил ко мне, шутил, смеялся и, утешая меня, говорил: „Не бойся, я сделаю, что нас услышат и подадут нам помощь“.

Наконец, после ужасных часов бесконечной ночи рассветает день. Мы видим себя в двух или менее верстах подле шведского берега.

Мнимый остров Борнхольм был мыс сего берега. Погрешность в счислении действительно оказалась, но только с той еще ошибкою, что штурман полагал настоящее место корабля далее от берегов, нежели счисляемый на карте пункт, а оно, напротив того, было

ближе, а потому для избежания опасности надлежало бы не от Борнхольма к ним, но от них к Борнхольму придержаться, то есть сделать противное тому, что мы, по несчастью, сделали.

Настало утро. Мы узнали место пребывания своего, но положение наше нимало не сделалось через то лучше. Ветер дул тот же и столь же крепкий. Сила ударов не уменьшалась. Корабль наш приходил в худшее состояние, и сокрушение оного становилось через несколько часов неминуемым. Внутри оного царствовали смятение и страх. Капитан заперся в каюте и не выходил из нее. Лейтенант В. был почти в исступлении ума. Он лежал в постели своей и беспрестанно повторял: „Я виноват. Я погубил“.

Оставались действующими лицами кадетский капитан и лейтенант М., которые оба, а особливо первый из них, сохранили в себе отличное присутствие духа и не переставали обо всем пещись. Капитан созвал к себе офицеров, урядников и несколько человек из старших матросов для совета (консилиума), на котором положено было следующее: „Как нет никакой надежды к спасению корабля (ибо он при столь сильных ударах через несколько часов должен сокрушиться), то остается только помышлять о спасении людей; для сего приступить немедленно к выпусканию каната, дабы сила ветра могла беспрепятственно двигать корабль ближе к берегу. Но как, вероятно, глубина станет по мере этого уменьшаться и корабль остановится, в таком случае стараться всеми средствами облегчать его, а именно сталкивать и выбрасывать пушки и все большие тяжести в воду, рубить помосты, пояса, доски, связывая их веревками вместе, дабы в то время, когда корабль погибать начнет, люди на сих плотах могли спасаться“.

Тотчас приступают к исполнению того, что положено на совете. Сперва хотят столкнуть за борт несколько пушек, но лейтенант М. возражает против сего, представляя опасность, что корабль о самые сии пушки, когда они упадут подле него на дно моря, может быть проломлен. И так отступают от сего намерения и велят только выпускать канат. Корабль, не удерживаемый более якорем и после всякого удара подъемлемый волной, сходит с места своего и силою ветра двигается к земле. Едва перешел он 40 или 50 сажен, как меряющий на корме глубину подштурман закричал: „Воды под кораблем три с половиной сажени!“ Слова сии произвели неописуемую радость.

„Полсажени прибавилось!“ – повторяли все. Вскоре потом закричал он опять: „Четыре с половиной сажени!“ Каждое восклицание было как бы некий благодатный глас, отсрочивающий нашу погибель. Все закричали тотчас: „Положить якорь! Положить якорь!“

Действительно, якорь в ту же минуту был брошен и корабль, став на вольной воде, перестал ударяться о землю. Восторг наш в первые минуты был чрезвычайный: мы обнимались, целовались, плакали от радости, поздравляли друг друга, – но вскоре оный весьма уменьшился.

Размышление, что мы без мачт, без руля, что корабль наш течет, что, вероятно, глубина эта есть небольшая окруженная мелью яма, из которой нам нельзя будет выйти, что, может быть, якорь нас не удержит или что ветер, сделавшись с другой стороны, поворотит корабль и кинет опять на ту мель, с которой он сошел, – все сии размышления снова погрузили нас в уныние, и наступающая ночь казалась нам столь же страшной, как и прошедшая.

Между тем мы с великим трудом успели спустить шлюпку, с тем чтоб отправить ее на берег для требования помощи. На ней посылался констапель и при нем два человека солдат с унтер-офицером, Я в это время был внизу корабля, в моей каюте. Констапель прибегает ко мне и с восхищением говорит. „Знаешь ли что? Меня посылают на берег. Поедем со мною: здесь опасно оставаться, а там мы будем спокойны. Хочешь ли, я скажу капитану, что ты мне надобен?“

Я согласился, и мы пошли вместе, но лишь приходим мы к дверям каюты, как вдруг, не знаю отчего, родившийся во мне страх переменяет во мне мысли. Я останавливаю констапеля и усиленно прошу его: „Ради бога, не говори обо мне капитану: я не хочу ехать“.

Он удивляется, спрашивает меня: „Что с тобою сделалось?“ Просит, убеждает, говорит. „Эй, ты будешь жалеть о том, да уж поздно. Через пять минут мы будем на берегу“. Но все слова его были тщетны, я стоял упорно в моем намерении и просил его убедительно не упоминать имени моего перед капитаном.

Он вошел в каюту и, получив приказание, вышел оттуда, чтоб сесть в шлюпку, которая стояла уже у борта совсем готовой. Мы приметили в нем великую перемену, он был смутен, обыкновенная веселость его исчезла, слезы катились по лицу. При сходе с корабля на приметили в нем великую перемену, он был смутен, обыкновенная веселость его исчезла, слезы катились по лицу. При сходе с корабля на шлюпку сказал он: „Прощайте, братцы! Я первый еду на смерть!“

Шлюпка отвалила, распустила паруса, понеслась птицей по морю, ныряет между валами; мы провожаем ее глазами и, наконец, видим, что, подходя к берегу, она опрокидывается. Тут я бросился в свою каюту, затворился в ней. Потом лег в постель. Печальное воображение о приятеле моем, несчастном констапеле, долго меня тревожило, пока напоследок усталость и проведенные в страхе и беспокойстве ночь и утро погрузили меня в крепкий сон.

Но сон мой недолго продолжался; вдруг будят меня с торопливостью и говорят. „Капитан спрашивает, скорее“. Я, испугавшись и спросонку, вскочил и бегу, как был, в тулупе. Вижу, что уже смеркалось; нахожу на борте людей, смотревших на лодку с двумя человеками, державшуюся в некотором отдалении от корабля. Капитан приказывает мне расспросить у них, откуда они и кто их прислал. (Надобно знать, что на всем корабле не было никого, выключая констапеля и меня, кто бы на каком-либо другом языке, кроме русского, умел говорить.) Я спрашиваю, они худым немецким языком отвечают, что послал их некто господин Салдерн из города Истад для проведания о нашем корабле.

Капитан велел их звать на корабль, однако они на то не согласились, отзываясь, что по причине ночи и крепчающего ветра не могут долее оставаться; в самом же деле казалось, что они, считая нас в крайности, опасались, чтоб мы не завладели их лодкой. Насилу, по великой просьбе и убеждениям, чтоб взяли от нас с собою человека, пристали они, и то не к борту, а к висячей с кормы веревочной лестнице, и притом требуя, чтоб посылаемый ту же минуту сошел, или они отвалят и уедут. Капитан, оборотясь ко мне, приказывает, чтоб я тотчас по сей лестнице спустился к ним в лодку и ехал с ними.

Это неожиданное приказание и скорость времени, с какой надлежало оное исполнить, так меня поразили, что я, как бы обезумленный, не знал, что со мною делается, и не прежде опомнился, как уже в некотором расстоянии от корабля. Обезображенный вид оного и горящие на нем огни привели мне на память, что я уже не на нем больше, не с товарищами вместе, но один, на малой лодке посреди бурного моря.

Мы плыли не прямо на берег, куда послана была наша погибшая шлюпка: опасность от буруна не позволяла нам туда ехать, – а держали курс в небольшой городок, называемый Истад. Он лежал верстах в десяти от корабля. Мы должны были плыть против ветра, против валов, которые в темноте были как бы некие мрачные горы, бежали поглотить щепку, на коей мы сидели; но, казалось, довольствовались только тем, что пенящимися вершинами своими с яростью на нее брызгали. Однако и одни эти брызги были небезопасны: вода накоплялась от них в лодке, так что из двух бывших на ней человек один только греб веслами, а другой беспрестанно выливал воду.

В страхе, чтоб нас не залило, сел я в самый нос лодки, чтобы спиною своей сколько-нибудь удерживать летящие с волн брызги.

Состояние мое было со всех сторон жалкое: я был в одном тулупе (как встал с постели); не знаю, кто сунул мне в руки матросскую шляпу, ибо и той у меня в ту минуту, как вдруг меня послали, не было, и время не позволило взять. Я не имел с собою ни полушки денег,

ни куска хлеба: не знал, с кем, куда и зачем еду, ибо не сказано мне было ни одного слова, кроме сего: „Ступай, ступай скорее“.

Плавание наше продолжалось с лишком восемь часов. Во-все это время холодный осенний ветер дул в меня, обмоченного с ног до головы так, что не осталось на мне ни одной сухой нитки.

Мы приехали в город часу в третьем пополуночи. Я вышел из лодки, как сонный, почти без памяти. Матросы мои привели меня в какой-то дом; подали огня, разбудили хозяина. Он вышел ко мне и стал со мною говорить; но я не мог отвечать ни слова: язык мой не ворочался и был деревянный. Хозяин велел подать мне рюмку вина; я выпил. Он начинает опять со мною говорить, но, видя, что я ничего не отвечаю, оставляет меня одного и уходит. Я не знаю сам, что делаю, иду вон из горницы, сойдя с низкого крыльца, и, отойдя сажен двадцать, останавливаюсь. Память возвращается ко мне, и я, думая, куда я иду, осматриваюсь кругом, а в темноте ничего не вижу. Хочу идти назад, но не могу вспомнить, с которой стороны я пришел на это место. В этом недоумении прихожу я в отчаяние: ноги мои подкашиваются подо мною, я невольно сажусь на землю и теряю совершенно всякое понятие и память.

По долгом некоем забытьи, с отменной легкостью и свободою чувств, открываю глаза: вижу снег, вижу, что я в какой-то избушке лежу раздетый на соломенной постели, между двумя какими-то незнакомыми мне человеками, которые подле меня крепко спят. Протираю глаза, не верю сам себе; думаю, что это мне видится во сне. Но между тем чувствую в себе новые силы, новую бодрость, свежесть и веселье.

Напоследок хозяева мои просыпаются, и я узнаю от них, что они те самые матросы, которые привезли меня на лодке, ибо я до сего времени лиц их не видал за темнотой. Они, возвращаясь домой из того дома, куда меня проводили, нечаянно наткнулись на меня, сидящего согнувшись на улице, и, видя, что я в беспамятстве, подняли меня, отвели, или, лучше сказать, отнесли в свою хижину, раздели, разули и положили между собою в постель, где я, успокоенный, обсох и, согретый, сладко уснул.

Не имея чем возблагодарить сих добрых людей, я только обнимал их и целовал. Тут я обулся, надел на себя едва просохший и весь заскорузлый мой тулуп и просил их отвести меня к тому господину Салдерну, у которого мы были прошедшую ночь. Я объяснил ему причину, по которой за несколько часов перед сим не мог ему на вопросы его отвечать; просил, чтоб он подал кораблю нашему помощь.

Он сказал мне: „Я здесь человек заезжий, случайно остановившийся и не имеющий никакой власти над городом; брат мой родной находился в вашей службе, и потому, принимая в вас участие и услышав о бедствии русского корабля, нанял я лодку и послал о том проведать. Здесь начальствует бургомистр; сходите к нему и требуйте от него помощи; но советую вам не говорить, что вы в крайней опасности, для того, что эти люди, в ожидании добычи, обыкновенно при разбитии судов получаемой, не станут вам охотно помогать“.

С сим сделанным мне наставлением пошел я к бургомистру, но не знал сам хорошенько, каких пособий мне от него требовать. Отъезд мой с корабля был с такой поспешностью, что капитан не успел ничего мне приказать. Идучи дорогой, размышлял я о сем. Первое представлялось мне самонужнейшим – истребовать лоцманов, которые бы взялись проводить (буде можно) корабль в безопасное место; второе, у нас было много больных, а именно более ста человек, и потому казалось мне нужным послать на корабль несколько лодок, которые бы всех их свезли на берег.

С сими мыслями пришел я к бургомистру. Он принял меня ласково, охотно выслушал мою просьбу и тотчас отправил на корабль двух лоцманов и десять или более лодок.

По счастью, ветер сделался тише, и все больные в тот же день свезены были на берег к тому месту, куда послана была наша шлюпка.

Бургомистр пригласил меня у него отобедать, чему я был очень рад, потому что крепко проголодался и, не имея денег, не имел надежды что-нибудь поесть. За столом он много разговаривал со мной (разумеется, по-немецки) и, казалось, меня полюбил.

После обеда был я в затруднении, где ночевать. Отыскал одну маленькую гостиницу (трактир), но хозяин не хотел меня пустить, отговариваясь, что он не принимает более никаких постояльцев; в самом же деле (как он после сам мне признался) опасался имени русского, которое со времен Петра Великого не переставало у них быть страшным; наконец дал мне комнату и постель.

Я ночевал спокойно и, поутру проснувшись, узнал, что ночью ветер скрепчал так, что лодки не могли более ходить по морю, и всякое сообщение между берегом и кораблем пресеклось. Зная, что на том месте (ибо в бытность мою на корабле я оное видел), куда свезены больные, нет никакого строения, кроме одной малой избушки, и воображая, что они должны лежать на открытом воздухе, пришел я о них в сожаление. Я захотел их увидеть. Как ни трудно казалось мне идти туда и назад пешком (ибо место это находилось верстах в восьми от города), однако я пошел. Дующий с моря бурный ветер, сырая погода, не протоптанная по песчаным буграм дорога весьма меня утомляли; а печальный вид стоящего вдали корабля нашего и воображение, что иду туда, где шлюпка наша погибла, наводили на меня уныние.

По приходе же моем представилось мне плачевное зрелище: больные, с лишком сто человек, лежали на берегу, ничем от ветра не закрытые, без пищи, без одежды, без всякого призрения. По свозе их с корабля ветер вдруг сделался крепок, так что ничего для них свезти не могли, даже и сам лекарь не успел съехать. Они, увидя меня, все застонали и стали жаловаться, что умирают от холода и голода.

Второе зрелище было еще плачевнее. Неподалеку от страдающих больных лежали выкинутые со шлюпок тела, из коих иные были столь обезображены, что на лицах не видно было ни глаз, ни носа: так волнами разбило их о шлюпку. Между ними лежал и приятель мой, констапель. Пролив о нем слезы, я возблагодарил Бога за чудесное спасение меня от одной с ними участи. Мы вырыли в песке яму и похоронили сослуживцев.

С опрокинутой шлюпки из 13 человек избавилось от смерти только два гребца. Один из них рассказал мне, как он спасся: „Когда шлюпку опрокинуло, – говорил он, – я, умея хорошо плавать, хотел бороться с волнами, но вдруг почувствовал, что кто-то тянет меня на дно; это был сидевший подле меня унтер-офицер, который так крепко за меня уцепился, что я никак оторваться от него не мог, пока он сам потерял чувство и меня привел в такое же состояние. Я, уже не помня, что со мною происходило, очувствовался на берегу подле камня; волна, выбросившая меня, набежала опять, покрыла меня снова и, стекая с берега, силилась увлечь с собою. Я схватился за камень, и когда увидел себя опять на суше, то спешил скорее всползти на берег, и хотя волна еще раз догнала меня, однако была уже так слаба, что не могла стащить меня с места, и я от нее ушел“.

Выслушав повествование матроса и видя, что уже день клонится к вечеру, я спешил возвратиться в город, обнадежив больных, что приложу о них всевозможное попечение. Несмотря на чрезвычайную усталость, я пришел прямо к бургомистру. Первое мое движение было броситься к нему на шею и просить о сохранении жизни многим несчастным.

Бургомистр долго сомневался, отговаривался, колебался, однако наконец смягченный неотступной моей просьбой, а особливо уверениями, что такое его благодеяние сделает имя его известным в России, дал мне слово и спросил, какую помощь им подать. Я отвечал:

1) отвести дом, который бы не тесен, чист и теплый был;

2) купить хлеба, зелени, свежего мяса и приказать изготовить для них пищу;

3) приставить одного или двух лекарей, которые бы за ними ходили и лекарство им прописывали;

4) напоследок, послать столько подвод, чтоб всех больных одним разом забрать и привезти.

Все это исполнено было в точности. Бургомистр пошел сам со мною. Дом отвели, вычистили, протопили, постлали соломенные постели и стали стряпать кушанья. Привели двадцать подвод, пришли два лекаря, и я вместе с ними отправился туда на телеге. Солдатский капитан велел класть и сажать больных на подводы. Все они, как хворые, так и здоровые, чрезвычайно были обрадованы.

Мы приехали в город, когда уже смеркалось. Освещенный дом, теплые покои, свежая пища, после столь долгого мрака, холода, изнурения и отчаяния, всех их так оживили, что у самых слабых и почти без движения лежавших написана была на лице радость.

Я так утомился, что как скоро пришел домой, то кинулся в постель и ту же минуту заснул крепким сном.

На другой день ветер стал тише. Я нанял лодку и поехал на корабль, чтоб донести капитану о всем происходившем, и нашел там всех в радости: корабль перетянулся; лоцманы вывели его далее на море, на глубину 15 сажен. Он был вне опасности в рассуждении мелей, но оставалось еще великое сомнение в его спасении. Гавань в Истаде была так мелка, что он не мог в нее войти, а к походу был безнадежен.

Однако нечего было делать, надлежало помышлять о походе; положили идти в ближайший шведский город Карлсгамн, имеющий хорошую гавань и отстоящий от Истада верст шестьдесят или семьдесят. Но как корабль чрезвычайно тек и опасно было, чтоб на море при умножении течи он не утонул, то рассудили нанять находившиеся на тот раз в истадской гавани два купеческих судна, с тем чтоб оные провожали корабль, и если случится, что он будет тонуть, то старались бы спасти с него людей.

В сем намерении капитан послал меня опять на берег с приказанием привезти ему ответ, пожелают ли корабельщики с тех двух судов наняться и чего будут просить. Я съездил на берег, переговорил с ними и, возвратясь, донес, что они соглашаются, но меньше трех тысяч рублей не берут. Капитан послал меня опять и велел давать две тысячи. Корабельщики отвечали мне, что они получили письма, по которым нужно им идти в свой путь, и что потому не могут они теперь и той цены взять, какую просиди, а если хотят нанять их, то заплатили бы четыре тысячи рублей, и то с тем, чтоб через сутки дать им решительный ответ.

С сим известием поехал я опять на корабль. Надобность принудила капитана дать просимую ими цену, но как на корабле столько наличных денег не было, то надлежало занять их и с корабельщиками сделать письменный договор. Капитан велел мне отправиться на берег и все это как можно скорее привести к окончанию. Я приехал к приятелю моему бургомистру (ибо он меня очень полюбил, и я у него всякий день обедал). Заем денег требовал некоторого времени, потому что сам бургомистр без собрания магистрата сделать сего не мог. Написать договор я не умел, не только на немецком, ни же на русском языке, и так это весьма меня затрудняло.

Бургомистр вступился в мои хлопоты, сочинил договор, который я перевел потом на русский язык. В нем сказано было, что половинное число денег (то есть две тысячи рублей) вручить корабельщикам на месте, а другую половину, „заявив о том бургомистру“, заплатить по прибытии в Карлсгамн; они же со своей стороны обязываются тотчас, как скоро на корабле сделан будет условный знак, забрать на суда свои наших больных, придти к кораблю и во время путешествия его идти с ним вместе до Карлсгамна, не отлучаясь от него и держась всегда ближе, чтобы в случае несчастия можно было с корабля свезти на них людей, о спасении которых должны они прилагать всевозможное старание.

Корабельщики согласны были на эти условия, и так осталось только им и капитану подписать их. Я поехал с ними на корабль. Капитан и они подписали договор, написанный на немецком языке с русским переводом. Капитан послал меня еще раз на берег, с тем чтобы

занять в магистрате половинное число денег (две тысячи рублей) и отдать им при бургомистре, заявив ему, что остальные две тысячи заплачены будут по прибытии в Карлсгамн. Все это было сделано, и я простился с бургомистром и, благодаря его за все ко мне ласки, поехал на корабль, не имея никакой более надобности возвращаться на берег.

Корабль между тем приготовлялся к походу. На обломки мачт поставлены были запасные стеньги с поднятыми на них реями и парусами, вместо руля приделан был искусственный, каким по нужде заменяют иногда настоящий. Оставалось докончить еще некоторые работы и ожидать благополучного ветра. Все больше устрашало нас позднее время (ибо тогда был уже ноябрь).

Первый мой съезд с корабля, трудная ходьба пешком, нередко ночью и в сырую погоду по песчаному берегу, частые далекие в Первый мой съезд с корабля, трудная ходьба пешком, нередко ночью и в сырую погоду по песчаному берегу, частые далекие в глубокую осень по открытому морю переезды с корабля на берег и беспрестанные заботы и хлопоты оказали напоследок действия свои: я занемог и в последнее возвращение мое на корабль чувствовал уже такой жар, что по приезде принужден был тотчас лечь в постель.

На другой день стало мне еще хуже. Корабль был уже совсем готов. Вдруг слышу я превеликую радость, кричат: „Ветер переменился!

Ветер сделался благополучный!“ Подняли тотчас знак, чтоб нанятые суда шли к кораблю. Ожидают их с нетерпением (ибо вся надежда спасения состояла в попутном ветре, и потому крайне опасались, чтоб его не упустить). Проходит час, другой и третий – суда нейдут. Палят из пушек; дают им знать, чтоб они шли немедленно. Нет, не появляются. Наступает вечер; не знаем, что думать. Радость наша превращается в неполное и грустное удивление.

Ночь проходит в беспокойстве. Поутру, с рассветом дня, поднимают опять знак и возобновляют пальбу из пушек: нет, суда нейдут.

Капитан велел спустить шлюпку и сказать мне, чтоб я ехал на берег узнать о причине сей медленности. Я отвечаю ему, что я не в состоянии, лежу в постели и не могу встать на ноги. Он велел мне передать, что необходимость требует того, и прислал людей поднять меня с постели и отнести на руках. Люди подняли меня, принесли к борту, подвязали веревками и опустили на шлюпку.

По прибытии в город два человека отнесли меня к бургомистру. Он удивился моему приезду и весьма обо мне сожалел; посадили меня в кресла, обложили подушками, и я пересказал ему, зачем прислан. Он велел позвать к себе корабельщиков, и по объяснении вышло следующее недоразумение. В договоре, в условии о деньгах, поставлено было одно слово, которое я, не разумея хорошенько, перевел: „заявить бургомистру“, – а надлежало перевести: „положить за руку“. Я понимал так, что остальные две тысячи рублей заплатить им в Карлсгамне, заявив только или сказав о том бургомистру, что оные еще не заплачены; а корабельщики понимали и требовали, чтоб эти две тысячи оставить в залог у бургомистра, и, как оные не были оставлены, то суда и не шли, ожидая наперед выполнения договора. Это обстоятельство чрезвычайно меня растревожило. Поправить оное требовалось по крайней мере еще двое суток, ибо надлежало привезти от капитана прошение о займе сих двух тысяч; должно было собраться магистрату и сделать свое определение, между тем как корабль всякий час благополучного ветра упускал со страхом, и состояние мое было такое, что мне от часу становилось хуже. Я просил бургомистра уговорить корабельщиков, что это равно, здесь ли оставить за руками деньги или там заплатить, что ошибка в переводе вышла от моего недоразумения, но что сия ошибка не делает для них никакой разности; напротив, они еще скорее получат свои деньги.

Бургомистр всячески их уговаривал, но они, сидя с важностью и куря табак, не хотели согласиться. Спор наш долго продолжался и приводил меня в крайнее беспокойство. Напо-

следок, по истощении всех моих просьб и убеждений, вышел из терпения, сказал я бургомистру: это стыдно для шведов – не верить русскому военному кораблю в двух тысячах рублях. Если господа корабельщики сомневаются в получении оных, то я отдаю им себя в залог; я остаюсь здесь, покуда они получат свои деньги; и если б капитан не заплатил им и правительство наше не удовлетворило их (чему никак статься невозможно), то отец мой, русский дворянин и достаточный человек, меня выкупит. Эти слова, произнесенные мною с жаром и досадой, поколебали суровую холодность корабельщиков. Они взглянули друг на друга, встали, походили по горнице, пробормотали нечто между собою и потом подошли сказать, что они соглашаются. Между тем настал вечер; я взял с них слово, что они при первом рассвете дня заберут больных и, нимало не мешкая, выйдут из гавани.

Оконча таким образом мое посольство, велел я отнести себя на шлюпку, в намерении, невзирая на темноту ночи, ехать на корабль (ибо огонь на нем был виден), но ветер так скрепчал, что бывшие в гавани лодочники не советовали мне пускаться. И так я принужден был ночевать у них в будке. Как скоро стало рассветать, тотчас поехал, и лишь только успели меня поднять на корабль, как и суда вслед за мною вышли из гавани. Корабль по приближении их снялся с якоря и отправился в путь.

Плавание наше продолжалось несколько дней, потому что попутный ветер не долго нам служил и не скоро сделался опять благополучен. В это время болезнь моя до того усилилась, что я в выздоровлении моем был отчаян. Воображение, что мы не успеем дойти до берега и что меня зашьют в дерюгу и бросят с камнем в воду, меня ужасала. Горячка моя была такого рода, что спирающаяся в груди мокрота меня душила, и чем легче было днем, тем тяжелее становилось к вечеру, так что всякую ночь проводил я в беспамятстве, в метаниях и бреду.

По несчастию, за два года перед сим был я болен в кадетской больнице, и подле моей кровати лежал товарищ мой кадет, точно в такой горячке, какую в это время примечал я в себе. Он на моих глазах умер, и подлекарь, бывший тогда при нас, почти при самом начале его болезни предугадал смерть его, сказывая, что он болен такой горячкой, от которой редко выздоравливают. Эта мысль, как скоро я приходил в память, не переставала мне мечтаться и приводить меня в уныние. В одно утро, после весьма тяжелой ночи, стало мне отменно легко, это привело меня в крайнюю робость, я почти несомненно уверился, что будущую ночь не переживу.

За мною ходил старик матрос. Поправляя у меня изголовье и тужа обо мне, он шепнул мне с усердием на ухо: „Батюшко! Позволь мне положить нечто к тебе под голову; авось тебе будет легче!“ Я спросил: „Что такое?“ Он промолчал и сунул мне под подушку какую-то маленькую рукописную тетрадку. Удары в колокол для возвещения полдня напомнили мне о приближении тех часов, в которые обыкновенно становилось мне тяжелее и я начинал забываться и терять память. Это напоминание как бы твердило мне: вот уже не больше двух часов остается тебе размышлять, и если ты теперь ничего не придумаешь, то жизнь твоя кончится.

Вдруг посреди сего мучительного страха и недоумения представляется мне странная мысль: я чувствовал превеликое отвращение к чаю, а особливо когда уже он несколько простынет; самое это отвращение рождает во мне желание попросить того, что столько мне противно. Я говорю старику матросу моему: „Принеси мне стакан теплой воды“. Лишь только парной запах воды коснулся моему обонянию, как вдруг вся моя внутренность поворотилась, и я не знал более, что со мною делается. Не прежде очувствовался, как через несколько часов.

Слабость моя была так велика, что я ни одним членом моим пошевельнуть не мог. Однако некое внутреннее спокойствие и тишина уверяли меня в великой происшедшей со мною перемене. Старик мой рассказал мне, что никакое сильное рвотное не могло бы про-

извести того действия, какое произвело во мне одно простое поднесение ко рту стакана теплой воды. Силы мои стали от часу прибавляться; я ночью уснул и поутру мог уже сам ворочаться, а потом и вставать.

Тут скоро пришли мы в Карлсгамн. Нам отвели дом, в котором внизу жил сам хозяин; вверху, в одной половине, – кадетский капитан с лейтенантом М., а в другой – все мы, гардемарины, в двух смежных комнатах. Когда я съехал с корабля и пришел в теплый покой, то сел подле печки, которая топилась. Мне казалось, что нет никого благополучнее меня на свете: так теплота, здравие и покой драгоценны тому, кто давно ими не наслаждался. Через несколько дней я совсем оправился и мог ходить со двора. Из Стокгольма, от посланника нашего Остермана, пришло повеление всех нас, гардемаринов, отправить с капитаном для продолжения наук в Карлскрону – шведский город и главный корабельный порт, где находился кадетский корпус. Дня через три по получении повеления мы отправились.

Корабль наш между тем исправлялся; на нем ставили новые мачты и подводили новый киль, потому что старый от сильных ударов о землю весь истерся. Удивительно было видеть в нем превеликие брусья так измятыми, как мочалы, и железные, толще руки, болты так между собою перевившимися, как всклокоченные волосы. Наконец корабль был готов: наступило время отправиться в Россию. Плавание наше неделю продолжалось. Мы пришли в Кронштадт, куда уже морской кадетский корпус, после бывшего пожара, переведен был из Петербурга».

К правдивому блистательному рассказу адмирала А. С. Шишкова не менее интересные комментарии сделал в свое время другой наш не менее известный адмирал-мореплаватель В. М. Головнин: «Какой хороший офицер пожелает служить на корабле, таким образом управляемом, как управлялся корабль „Вячеслав“. Оставляя уже без внимания ежеминутную опасность, коей подвергались корабль и экипаж его от беспорядочных поступков капитана, даже самая честь каждого из офицеров с благородными чувствами от них страдала. Если б собственный рапорт капитана и письменное признание офицеров, тайным образом курс переменивших, не подтверждали помещенного здесь описания бедствий, с вышеупомянутым кораблем случившихся, в важнейших их происшествиях, то можно было бы даже усомниться в справедливости его. Кто бы поверил, что капитан военного корабля, идущего в темную осеннюю ночь в крепкий ветер по 8 миль в час и приближающегося к берегам, пошел в свою каюту покойно спать, и тогда, когда верность корабельного счисления подвержена была большому сомнению? Что вахтенный лейтенант и штурман решились сами собою переменить курс? Что когда корабль стал на мель, то капитан, вместо того чтоб употреблять все средства к спасению его и экипажа, заперся в каюту? И что, наконец, капитан решился послать на чужестранный берег с просьбою о помощи гардемарина в тулупе, не сказав ему, к кому и зачем он его посылает; а тот поехал, и сам не ведая, для чего? Самый призыв матросов на совет унижает не только офицеров, но и самую службу. Такого рода „мирские сходки“ могут быть терпимы только на купеческих судах. А притом какую пользу капитан думал из того извлечь? Если он хотел посредством их оправдать свои меры перед военным судом, сославшись на согласие матросов, какие законы давали ему право надеяться, что оно должно быть принято в уважение? Мне кажется, одна из важнейших обязанностей начальника состоит в том, чтоб всякого из подчиненных держать в месте, предназначенном ему законами: никого без причины и формального отрешения не унижать и никого по каким-либо видам и связям невозвышать». Что ж, лучше, пожалуй, и не скажешь!

Глава вторая
Крушение у острова Рюген

К крушению брига Балтийского флота «Диспач» самое непосредственное отношение имел известный флотоводец и гидрограф контр-адмирал Гавриил Андреевич Сарычев. Летом 1805 года контрадмирал командовал небольшой крейсерской эскадрой, которая осуществляла практическое плавание в Балтийском море. На судах эскадры отрабатывали элементы маневрирования и обучали гардемаринов практике управления парусами. В августе императором Александром Первым было принято решение о перевозе десантного корпуса для действий против французов в Померанию. Так как из-за ухода основных сил флота в Средиземное море наличных сил было немного, командующий Балтийским флотом адмирал Тетт решил нанять для перевоза войск купеческие суда в Ревеле и Риге. Оставив практическую эскадру, Сарычев прибыл в Ригу, где поднял свой флаг на бриге «Диспач», которым командовал капитан-лейтенант Касливцев. Бриг был совсем недавно построен в Англии и отличался хорошими ходовыми качествами; что касается Касливцева, то он считался одним из наиболее перспективных молодых офицеров флота. Быстро решив все финансовые вопросы, наняв необходимые суда и погрузив на них солдат и казаков, Сарычев вышел в море. Конвой под его началом насчитывал 26 вымпелов. Переход между двумя балтийскими портами не бог весть какое дело, тем более когда во главе его известный моряк и гидрограф. Поначалу все на самом деле складывалось вполне благополучно, если не считать нескольких незначительных повреждений на торговых судах.

Однако 25 августа, когда конвой выходил из пролива между курляндским берегом и островом Эзель, начался шторм. Налетев на песчаную отмель, «Диспач» ударился о дно рулем, который вначале сбросило с петель, а затем и вовсе оторвало.

– Скорее всего, мы налетели на четырехсаженную банку, что значится на карте в середине пролива на выходе в Балтику! – покачал головой Сарычев, оценив итоги касания брига с отмелью.

Потеря руля в штормовую погоду сделала положение «Диспача» особенно опасным, и бригу наверняка не избежать бы катастрофы, если бы не нахождение на его борту одного из опытнейших российских мореплавателей. Сам Сарычев позднее вспоминал о тех тревожных минутах так: «Я решился на последнее средство к избавлению судна от кораблекрушения: стать на якорь на глубине 12 сажен. Но как по положении трех якорей бриг дрейфовало, то приказал я обрубать стеньги, из коих изорванные и незакрепленные паруса много противостояли ветру. Тогда ветер перестал тащить нас с якорей, и мы остановились на глубине девяти сажен при песчаном грунте, в двух итальянских милях от берега, между мысом Люзерорт и городом Виндава».

Бриг можно было считать спасенным, но контр-адмирал мучился отсутствием сведений о разбросанных штормом в разные стороны судах конвоя. Что с ними, сумели ли они спастись и сохранить перевозимых людей?

За время вынужденной трехдневной стоянки, не теряя времени, на «Диспаче» из подручного материала мастерили временный руль.

Осматривая берег между мысами Люзерорт и Домеснес, Сарычев обнаружил на этом достаточно небольшом пространстве среди множества погибших судов и восемь, принадлежавших к его конвою. Вскоре Сарычев был уже проинформирован, что на этих восьми судах погибло около сотни казаков. Но при этом не только большинство казаков спаслось, – с двух судов донцы умудрились, несмотря на жестокий шторм, спасти и всех своих лошадей! Очевидец описывает действия казаков по спасению лошадей так: «Казаки вытаскивали их

на веревках из интрюма, наливавшегося уже водой, и с борта судна толкали прямо в воду; тогда они сами выплывали на берег, и ни одна из них не утонула».

Сделав все необходимые указания по обустройству находящихся на берегу людей и спасению все еще остававшегося на полузатонувших кораблях имущества, Сарычев поспешил на «Диспач», чтобы догнать часть своего ушедшего вперед конвоя.

Утром 3 сентября с брига была замечена южная оконечность острова Готланд – мыс Гоборт. Утром следующего дня вдалеке был замечен линейный корабль «Януарий». С него сообщили, что главные силы флота и десантных конвоев в настоящее время находятся у острова Рюген напротив мыса Перт. Неся все возможные паруса, «Диспач» наверстывал упущенное время, стремясь нагнать ушедших вперед.

Из описания крушения «Диспача», составленного адмиралом В. М. Головниным: «В 7 часов вечера прошли Борнхольм, а поутру 5-го числа подошли к Рюгену; но как ветер усилился и поднялось большое волнение, то бриг никак не мог обойти восточного мыса сего острова и принужден был во весь день лавировать под одними нижними парусами. Между тем от чрезвычайной качки беспрестанным сильным движением руля перетерло державшие оный нижние бакштаги, отчего руль стал действовать слабо и бриг не мог уже поворачивать через фордевинд. Тогда ему оставалось только стать на якорь, который они положили в 10 часов вечера у местечка Виттова, на глубине 17 сажен в иловатом дне. Но как один якорь не задержал, то в помощь ему был брошен другой, и бриг остановился, но не надолго: через час опять стало иловатом дне. Но как один якорь не задержал, то в помощь ему был брошен другой, и бриг остановился, но не надолго: через час опять стало его дрейфовать, глубина скоро уменьшилась до 6 сажен».

Такое предельно опасное положение требовало и особых мер. Эти меры принимались, но бриг уже был обречен. Из воспоминаний контр-адмирала Г. А. Сарычева: «Для остановления и спасения брига велел я срубить мачты, но при всем том не переставало его дрейфовать, и в 11 часов ночи принесло к мели, поворотило поперек волнения, начало сильно бросать с боку на бок и бить о грунт; тогда свирепые волны вздымались подобно горам, разбивались о борт и, с седой пеной переливаясь через судно, сильно потрясали его, двигая по мели; каждый из нас старался держаться крепче, чтоб волнением не сбросило его в море, ожидая ежеминутно потопления. Положение наше тем было ужаснее, что темнота ночи препятствовала видеть, сколь далеко мы от берега. Когда судно наполнилось водой, поворотило его носом к берегу, и волнение, разбиваясь о корму, не столь уже его потрясало. Некоторые из служителей усмотрели перед судном чернеющийся берег и закричали: „Земля видна!“ Тогда все люди собрались на бак, обрадовавшись показавшейся надежде к спасению; измокши и перезябши, ожидали с нетерпением наступления дня. Между тем лекарь наш, умея хорошо плавать, раздевшись, бросился в море, и мы тотчас потеряли его из виду в свирепеющих волнах. На рассвете увидели, что находимся в полуверсте от высокого и крутого берега, под которым приметили людей. С великим трудом спустили мы на воду ялик и, привязав к нему веревку, отправили с тремя человеками к берегу. Они долго пробивались между бурунов и каменьев; наконец, когда преодолели большие трудности, выкинуло их на сушу, и островитяне помогли им выйти. Таким образом, имея уже завезенную на берег веревку, спустили мы еще два гребных судна и на них с помощью сего завоза перевезли всех служителей с судна».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.